

16. Эпилог

Нет, это не эпилог моих сексуальных приключений (я надеюсь) . Проблем с эрекцией у меня нет, во всяком случае, Viagra мне пока не нужна. А бабам я нравлюсь. Появились деньги, позволяющие оплачивать мои маленькие удовольствия без ущерба для семейного бюджета. Теперь уже не я бегаю за каждой юбкой, теперь женщины с удовольствием дарят мне своё благосклонное внимание. Частенько замечаю заинтересованный взгляд юных нимфеток, которым я, пожалуй, гожусь в отцы (в такие моменты я вспоминаю милую мою Санечку, юную селянку, дарившую мне свою бесхитростную любовь в промежутке между ласками своей матери) . С ними всё просто - каскад остроумия и дешёвых комплиментов, какая-нибудь безделушка в упаковке из обещаний (или намёков на обещания) . Прогулка на открытом Porsche (всю жизнь мечтал о настоящей девятьсот одиннадцатой) . Не знаю, чему их там сейчас учат в современной школе, но в девяти случаях из десяти ручка юной красавицы лезет ко мне в штаны ещё в машине. Ну, а дальше - всё просто. Неумелый, но старательный минет, бесстыдно-доверчивый взгляд из-под трогательной чёлки, снизу вверх, волосы разметались по подушке, стройные ножки раздвинуты, приглашая к царскому пиршеству. О, обаяние юности, свежий аромат распускающегося бутона... Я не могу отказать себе в удовольствии и прикипаю губами к угощению. Не понимаю, эти современные юнцы, они что, никогда не ласкают своих подруг "там"? Почему все эти бедняжки ведут себя так, как будто никто никогда не целовал их между ножек? Ну что ж, милая девочка, наслаждайся лаской зрелого мужчины! Я доведу крошку до оргазма (искреннего, не фальшивого, они в таком возрасте ещё не умеют правдоподобно претворяться) , а потом сам надеваю презерватив (неумехи они ещё) и начинаю... О, какое наслаждение трахать юную нерожавшую девочку и наблюдать, как её доверчивые глазки постепенно подёргиваются пеленой наслаждения, слушать, как всё учащается её дыхание, перерастающее в предоргазменный стон... (Заведи себе русскую виртуальную любовницу-давалку! - добрый совет)

Да, господа, юные девушки обладают особым, ни с чем не сравнимым обаянием. Эта свежесть, эта наивность и неискущённость в сочетании с напускным цинизмом и демонстративным бесстыдством...

Впрочем, не обделён я вниманием и зрелых дам. Появляясь временами на раутах, где роскошные светские львицы обеих столиц со скучающим видом старательно демонстрируют наряды haute couture и неприлично дорогие драгоценности, я часто оказываюсь той "свежей струёй", которая приносит в душную атмосферу модных тусовок каплю спасительного озона. За исключением особых случаев, я намеренно игнорирую dress code и вполне сознательно выгляжу "белой вороной" среди отутюженных и напомаженных кавалеров. Как следствие - я оказываюсь в центре внимания этих красавиц, которое (внимание) я демонстративно игнорирую. А они не привыкли, чтобы их игнорировали... Игра начинается. (Оцените в одном месте всю степень развратности жизни главного героя! - прим.ред.)

И вот, очередная блондинка уже пьяно хохочет и подставляет встречному ветру свои тщательно мелированные волосы, вцепившись наманикюренными пальчиками в поручень

фальшборта моего катера. Мы пролетаем под разведёнными мостами навстречу ночи страсти, ожидающей нас в уютном номере гостиницы, куда нас поселят, не спрашивая документов. Мы начнём традиционно - я поднесу своего возбуждённого бойца к её роту, и она будет старательно сосать, оставляя на члене следы ярко-красной помады. А потом будет всё - много, долго, сильно, грубо, непрерывно меняя позы, отстраняясь друг от друга в изнеможении и снова сливаясь в страстных объятиях... Я переверну её на спину и буду смотреть, как она, облизывая, пот, выступивший на верхней губе, будет кончать. Громко, бурно, всхлипывая и содрогаясь от накатывающих конвульсий. И мы кончим вместе и упадём, усталые, и будем лежать, обнявшись. А потом она побежит в душ, а я буду лежать на скомканных простынях, взбадривая себя скотчем, и слушать шум воды. Она войдёт голая, умытая, строгая и трогательно незащищённая без макияжа и каблуков. Я налью ей Johnny Walker, обычного, красного, настоящего мужского напитка, допинга, способного и мёртвого поставить на ноги. Налью много, полстакана. И она не откажется, ещё никто не отказывался.

А потом, накопив сил, я приступлю к главному блюду - в призрачном свете белой ночи, льющимся в занавешенное окно, поставлю её на четвереньки на пол около кровати, намотаю на руку крашеные пряди, ещё жёсткие от остатков парикмахерского лака, раздвину ягодицы, смочу слюной сжавшуюся в ужас дырочку ануса. Она уже понимает. Она мотает головой, она протестующее мычит что-то нечленораздельное и пытается вырваться. Я крепче сжимаю её выветленную гриву и тяну на себя. Она вскрикивает от неожиданной боли. Она всхлипывает. Она стонет. Она сдаётся. Все всегда сдаются. И я медленно ввожу своего приятеля в сухую, жаркую и такую тесную дырочку. Ей больно. Она недовольно крутит попкой в поисках позы, в которой член причиняет ей наименьшее неудобство. Она приносит себя в жертву моей извращённой похоти. Но проходит минута-другая, и она постепенно расслабляется, член уже не мешает. Наоборот, становится приятно. Приятно и от возбуждающего трения в заднем проходе, и от сознания своей развращённости и униженной подчинённости грубому самцу. Дырочка расширяется. И вот я уже размашисто трахаю эту покорную сучку, всякий раз полностью вынимая член наружу и с размаху засаживая его обратно. Я слышу, как она дышит всё чаще и всё громче, как начинает стонать от наслаждения и яростно подмахивать. Как, отбросив остатки стеснения, яростно дробит клитор, чудом удерживая равновесие под моими бешеными толчками. Дважды разрядившись совсем недавно, я, всё же, готов выплеснуть очередную порцию в её сладкую тесноту, но сдерживаюсь. Я же джентльмен, я обязан позволить даме кончить первой. И она, наконец, разряжается, сначала со стоном и подвываниями, а потом, оглашает ночь диким воплем, громко всхлипывает и валится на ковёр.

А утром мне, возможно, придётся сделать усилие, чтобы вспомнить, как зовут эту холёную сучку, накладывающую сейчас слой штукатурки на бледное от бессонной ночи лицо... И снова в бой. В бесконечный бой. В непрерывный поиск новых ощущений. Как будто, у них, у всех этих Светочек, Леночек, Ирочек и Наташ, есть что-то новое, что-то, чего я раньше не видел, чего не было у предыдущих Светочек, Леночек, Ирочек и Наташ. А также у Анжелины, Сабрина, Гюльчитай и Жозефин. Может быть, в этом и есть смысл жизни мужчины, его Основной Инстинкт?